

Лухманова Надежда Александровна

Девочки

Воспоминания из института жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н17

Н17 **Надежда Александровна Л.**
Девочки: Воспоминания из института жизни / Лухманова Надежда Александровна – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 204 с.

ISBN 978-5-519-94185-3

ISBN 978-5-519-94185-3

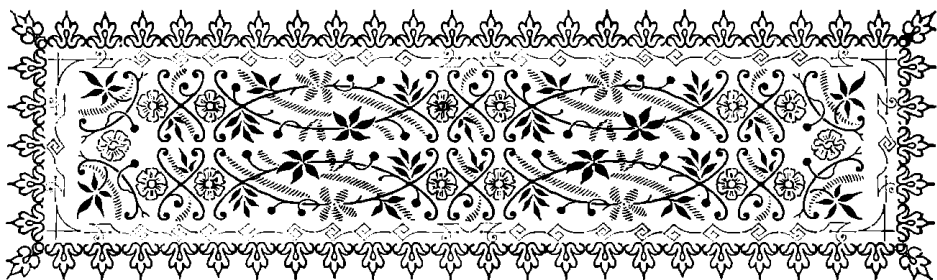
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



I.

Чортовъ переулочъ. — Балъ. — Наказаніе. — Закатъ солнца. — Прощенье. —
Пріемъ родныхъ.



Нхъ было три: Корова, Килька и Метла. Онѣ были сестры, дѣвицы благороднаго нѣмецкаго происхожденія, и всѣ три занимали мѣста въ Н—скомъ институтѣ. Корова была инспектриса, Килька—классная дама, Метла—музыкальная. Жили онѣ во второмъ этажѣ, въ „Чортовомъ переулкѣ“, т. е. узенькомъ корридорчикѣ, который составлялъ какъ-бы рукавъ большого корридора, проходившаго между классами.

Корова была роста маленькаго, съ выдающимися лопатками и съ вѣчно нагнутой головой, какъ бы готовой боднуть; она была ворчлива и зла. Килька дѣйствительно напоминала своей, точно вымоченной и сплюснутой головой эту многострадальную рыбу; была придирчива, мелочна и изводила нотаціями. Метла, худая, длинная, съ головой, покрытой безчисленными рыжими кудерками, издали легко могла сойти за новую швабру, но была добра, сентиментальна и хронически обижена. Въ томъ-же корридорѣ жилъ еще Хорекъ, безобидная „рукодѣльная дама“, съ собственнымъ, очень сильнымъ и очень сквернымъ запахомъ.

Воспитанницы всѣхъ трехъ старшихъ классовъ, выходившихъ въ большой корридоръ, безъ нужды заходили въ „Чортовъ переулокъ“ только, если которой нибудь надо было плюнуть или выбросить какой-нибудь соръ. Въ минуты рекреаціи, когда шумныя волны бѣжали изъ каждаго класса и сливались въ корридорѣ въ одинъ общій, бурный потокъ, обитательницы переулочка, казалось, сторожили за своими дверями, и не успѣвала воспитанница сдѣлать туда шагъ, какъ чья нибудь дверь открывалась и, какъ изъ „чудо-коробочки“, выскакивала обитательница.

— Вы куда?—спрашивала она строго на нѣмецкомъ или французскомъ діалектѣ. Захваченная воспитанница „обмакивалась“, т. е. быстро присѣдала и отвѣчала невинно:

— Никуда, я видѣла, что ваша дверь отворяется, думала—вы зовете...

— Дерзкая!—шипѣла дама, захлопывая дверь, а дѣвочка, быстро опустивъ руку въ карманъ, бросала въ воздухъ горсть мелкихъ, мелкихъ, тщательно нарванныхъ бумажекъ, и тѣ летѣли, какъ бѣлыя мухи, усѣвая собой чистый, какъ стекло, полъ корридорчика.

Только въ 8 часовъ вечера, когда воспитанницъ уводили ужинать и затѣмъ въ верхній этажъ спать, въ большомъ корридорѣ наступала полная тишина. Въ „Чортовомъ переулкѣ“ открывались двери, и обитательницы его, какъ крысы, выходили на свободу, гуляли по корридору, изрѣзанному полосами луннаго свѣта, заходили въ классы, шарили у „подозрительныхъ“ въ пюпитрахъ, найдя что-нибудь запретное, долго шептались, качали головой, хихикали и уносили скорѣй добычу къ себѣ, чтобы завтра сообщить о ней дежурной классной дамѣ или даже тамап, смотря по важности открытія.

Иногда Корова и Килька дѣлали ночную облаву на ученицъ. Походъ почти всегда оканчивался удачею. Непріятеля захватывали на бивакѣ за запретной книжкой или за роскошнымъ пиромъ изъ сырой рѣпы, огурцовъ и пеклеванникомъ съ патокой (любимое лакомство дѣвицъ). Двухъ, трехъ, не успѣвшихъ улизнуть по кроватямъ, захватывали въ плѣнъ съ поличнымъ, т. е. со всѣмъ оставшимся имуществомъ, уво-

дили въ средній этажъ и разставляли въ „Чортовомъ переулкѣ“ по угламъ на полчаса или на часъ.

Словомъ, между большимъ корридормъ и его рукавомъ ненависть была горячая, и велась ожесточенная, ежедневная борьба...

Утро. Въ корридорѣ тишина. Изрѣдка, сквозь закрытыя двери классовъ, доносятся неясные звуки вопросовъ учителя или, не въ мѣру звонкій, отвѣтъ. Во второмъ классѣ идетъ урокъ рисованія. Чахоточный, красивый учитель, съ большими блестящими глазами и потными руками, подсаживается то къ той, то къ другой партѣ, причемъ дѣвочки встаютъ, и „поддѣлываетъ“ рисунокъ, потому что вообще рисованіе проходятъ небрежно, и кромѣ двухъ, трехъ талантливыхъ, остальные не дѣлаютъ ничего.

Съ первой скамейки, тамъ, гдѣ виднѣлась черненькая, какъ уголекъ, головка Наташи Вихоревой, „Чернушки“, по классу пошла циркулировать маленькая записочка. Получавшія подписывались на ней тонко, какъ мушиной лапкой, и, сложивъ крошечнымъ шарикомъ, перекидывали дальше. Записочка щелкнула въ носъ „Бульдожку“, толстую, тупоморденькую Катю Прохорову; сердитая дѣвочка заворчала, а двѣ, три подружки фыркнули и уткнулись носами въ рисунокъ. Отъ Кати записка упала на парту „Баярда“—Нади Франкъ, рыженькой, живой, подчасъ неудержимо дерзкой и смѣлой дѣвочки; та, подписавшись, перекинула ее „Пышкѣ“, добродушной Машѣ Королевой.

Килька, дежурившая въ классѣ, сидѣла смирно на своемъ стулѣ и вязала чулокъ, но глаза ея, какъ у кошки, искоса слѣдили за бумажнымъ шарикомъ. Когда записочка долетѣла до „Пышки“, сидѣвшей у края класса, почти рядомъ съ ея стуломъ, она вдругъ схватила дѣвочку за руку со словами: „Geben Sie ab“, но „Пышка“ быстро перекатила шарикъ изъ одной руки въ другую и затѣмъ сунула его себѣ въ ротъ.

— Отдайте,—зашипѣла Килька,—„Geben Sie gleich ab“; но Маша усердно жевала бумажку и когда выплюнула ее на полъ, то это была плотная, маленькая клетка, которую она еще придавила ногой.

— Gut,—злобно сказала только Килька и нервно застучала спицами чулка. Бумажка, обѣжавшая весь классъ, возвѣщала, что сегодня вечеромъ, послѣ ухода Кильки изъ дортуара, „Чернушка“ задаетъ балъ съ приличнымъ угощеніемъ и приглашаетъ господъ кавалеровъ, дамъ, лакеевъ и музыкантовъ быть на своихъ мѣстахъ. Пріятная вѣсть и безъ дальнѣйшаго хода бумажки стала теперь извѣстна всѣмъ...

День прошелъ, по обыкновенію, со всѣми перипетіями институтской жизни и, наконецъ, насталъ часъ, когда всѣ дѣвочки уже лежали въ кроватяхъ.

Дортуаръ второго класса, въ которомъ былъ назначенъ на сегодняшній вечеръ балъ, былъ теперь какъ разъ на привилегированномъ положеніи. Килька, ради своихъ сестеръ, обитала внизу, въ „Чортовомъ переулкѣ“, а француженка, M-elle Ноть, болѣзненная миниатюрная старушка, захворала, дверь ея комнаты была заперта; замѣнявшая ее дама спала въ другомъ дортуарѣ, и такимъ образомъ дѣвочки на ночь оставались совсѣмъ безъ надзора.

Килька обошла еще разъ кругомъ дортуара и посмотрѣла подозрительно на тридцать головокъ, заснувшихъ какъ-то необыкновенно быстро и покорно. Тридцать кроватей, поставленныхъ въ два ряда изголовьями одна къ другой, прерывались ночными шкапиками. Въ ногахъ у каждой стоялъ табуретъ, и на немъ лежали аккуратно сложенные принадлежности дневного туалета. Высокая ночная лампа, подъ темнымъ зеленымъ колпакомъ, тускло освѣщала тридцать сѣрыхъ байковыхъ одѣялъ съ голубыми полосами. Всѣ дѣвочки, какъ куклы, лежали на правомъ боку, въ ночныхъ кофтахъ, съ руками поверхъ одѣяла, и еще разъ удивленной Килькѣ показались спящими.

— Gute Nacht — проговорила она и вышла. Пройдя большую умывальную комнату, гдѣ горничная стлала себѣ постель въ нижнемъ раздвижномъ ящикѣ комода, она остановилась и минуты двѣ слушала. Полная тишина! Тогда она, наконецъ, вышла въ корридоръ и спустилась къ себѣ во второй этажъ.

Черезъ четверть часа всѣ дѣвочки, кромѣ самыхъ вя-

лыхъ, сонливыхъ или „безнадежныхъ парфешекъ“, были на ногахъ. Три музыканта сидѣли на шкапикахъ и, обернувъ тонкой бумагой гребенки, настраивали свои инструменты. Кавалеры, запрятавъ панталоны въ высокіе чулки, прихвативъ ихъ подвязками поверхъ колѣнъ, застегнули на груди кофточки, отогнули назадъ ихъ переднія полы, отчего сзади получилось подобіе фрака, и углемъ нарисовали себѣ на верхней губѣ черные усики. Дамы сняли кофты и остались въ рубашкахъ декольтэ и *manche-courte* и коротенькихъ нижнихъ юбочкахъ. Лакеи, на обязанности которыхъ лежало разносить угощеніе, въ отличіе отъ кавалеровъ, были безъ усовъ, въ сюртукахъ, т. е. въ кофточкахъ на выпускъ. Кое-гдѣ на шкапикахъ появились свои свѣчи, съ лампы былъ снятъ абажуръ. Балъ начался. Кругомъ кроватей летали пары. Дамы томно склоняли головки на плечо кавалерамъ, обдавая ихъ по самой фізіономіи растрепавшимися длинными волосами. Музыканты надрывались, играя какой-то вальсъ изъ любимыхъ мотивовъ шаха персидскаго. Лакеи уже разносили вторую перемѣну— свѣжіе огурцы съ сахаромъ. Дирижеръ, Надя Франкъ, велъ танцы: „*Rond des dames! Cavaliers solo! En avant! Стой, стой, Бульдожка, ты опять танцуешь съ лакеемъ*“...

Въ это время дверь изъ умывальной пріотворилась, загораживавшая ее пирамида изъ табуретовъ, надѣтыхъ верхомъ одинъ на другой, рухнула. Кавалеры, дамы, музыканты, лакеи, разлетѣлись кубаремъ по своимъ кроватямъ; не только свѣчи, но и лампа потухла. Корова и Килька, отодвинувъ табуреты, вошли въ дортуаръ, погруженный во мракъ. Горничная, задаренная дѣвочками, едва черезъ пять минутъ могла отыскать спички, и когда лампа была зажжена—на тридцати кроватяхъ лежало тридцать дѣвочекъ, всѣ на правомъ боку, съ руками поверхъ сѣраго одѣяла съ голубыми каймами. Только, о ужасъ! нѣсколько дѣвочекъ были безъ кофтъ, съ распущенными волосами, тогда какъ строго на строго было приказано заплетать ихъ на ночь въ одну косу. У другихъ на верхней губѣ еще виднѣлись черные тонкіе усики, на шкапикахъ всюду лежали явные признаки запрещеннаго пиршества...

Килька, съ перекошеннымъ отъ злости лицомъ, дотрагивалась своими сухими пальцами до ногъ виновныхъ и говорила только: „Du, du, du und du, steht auf!“ И, какъ послѣ аріи Роберта: „Возстаньте изъ гробовъ!“, изъ кроватей появилось шесть бѣлыхъ дѣвочекъ, которыя начали сконфуженно приводить въ порядокъ свои шутовскія наряды, вытирать полотенцемъ лица и кутаться въ зеленые байковые платки (платье при ночныхъ экскурсіяхъ не надѣвалось), затѣмъ покорно двинулись въ путь за классной дамой.

— Und morgen werde ich alles „Maman“ erzählen!—громовымъ голосомъ добавила Корова.

Это была дѣйствительная угроза. „Maman“ докладывались только большія преступленія, и кара за нихъ полагалась серьезная, на примѣръ: „безъ родныхъ“, т. е. безъ допуска на свиданіе съ родственниками въ ближайшее воскресеніе.

Дѣвочки стихли, непойманные привели себя въ должный порядокъ, убрали все и улеглись. Вскорѣ дортуаръ погрузился въ настоящій глубокій сонъ. Провинившіяся, дойдя до „Чортова переулка“, были разставлены почетнымъ карауломъ по угламъ и у дверей обитательницъ. Баярдъ попалъ на часы у дверей Метлы. За спиною дѣвочки былъ кувшинъ съ большимъ букетомъ цвѣтовъ. Дѣвочка вдругъ съ необыкновенной злостью выхватила цвѣты изъ воды, своими тонкими нервными пальцами развязала шнурокъ, стягивавшій толстую связку корней, затѣмъ смяла, скомкала всѣ головки цвѣтовъ, туго перетянула ихъ шнуркомъ и сунула въ воду, освобожденные же корни безобразной щетиной топорщились наверху.

— Метлѣ нужна метла, а не цвѣты!—сказала Надя на одобрительный смѣхъ, послушавшійся изъ всѣхъ угловъ.

Дверь комнаты музыкальной дамы тихонько отворилась, и на порогѣ показалась „Метла“. Она подошла къ окну, протянула руку къ цвѣтамъ и быстро отдернула ее, видя взерошенное чудовище, затѣмъ, понявъ злую шутку стоявшей возлѣ дѣвушки, она обернулась къ ней. Выцвѣтшіе, но добрые глаза старой дѣвы встрѣтились въ упоръ со злымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ Баярда.

— Вы поступили очень скверно, — сказала она по-нѣмецки, — эти цвѣты мнѣ прислала старуха-мать изъ своего сада. Она слѣпа, но каждый цвѣтокъ она сорвала своими слабыми, старческими руками и сама связала ихъ въ букетъ.

Слезы закапали изъ глазъ музыкальной дамы, и она бережно, какъ больного, унесла къ себѣ въ комнату изуродованные цвѣты.

— Воображаю себѣ маменьку этихъ трехъ грацій! — начала въ своемъ углу Бульдожка.

— Молчи, дура! — вдругъ крикнула ей Надя Франкъ.

— *Mesdames, mesdames*, — захохотала Чернушка — не ссорьтесь, *Bayard, ne montez pas sur vos grands chevaux!*

Но Надя Франкъ вдругъ двинулась изъ своего угла и смѣло открыла дверь въ комнату музыкальной дамы. Она вошла въ крошечную прихожую и изъ нея увидѣла въ комнатѣ столъ, на немъ лампу съ большимъ самодѣльнымъ абажуромъ изъ сухихъ цвѣтовъ, затѣмъ большой подносъ, на которомъ лежалъ пестрый букетъ, и блѣдныя руки Метлы, старавшейся спасти менѣе пострадавшіе цвѣты. При входѣ Нади она подняла голову и, узнавъ дѣвочку, глядѣла на нее съ недоумѣніемъ и почти со страхомъ.

Дѣвочка сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и вдругъ, поднявъ голову, съ тѣмъ яснымъ и честнымъ взглядомъ, который далъ ей прозвище Баярда, заговорила:

— *Mademoiselle* Билле, Вильгельмина Оедоровна, простите меня...

Руки, державшія цвѣты, затряслись, блѣдная музыкальная дама, такъ несправедливо, такъ безпричинно травимая всѣмъ этимъ молодымъ поколѣніемъ, слышала въ первый разъ искренній, мягкій голосъ, называвшій ее по имени. Она подошла къ дѣвушкѣ и обняла ее. Рыжая головка припала къ ея изсохшей груди и горячія, молодыя губы дѣвушки прижались къ ея желтой, сморщенной щекѣ. Затѣмъ Надя круто повернула, выбѣжала въ корридоръ и спокойно встала въ свой уголъ.

Дѣвочки не успѣли придти въ себя отъ ея выходки, какъ открылась вторая дверь и появилась Килька.

— Ну, большой благовоспитанной дѣвушкѣ, который черезъ годъ будетъ въ старшій классъ, можетъ теперь идти наверхъ и спайтъ, а завтра Матап будетъ знать, что вы вели себя, какъ глупый маленькій мальшикъ...

Классная дама всегда по ночамъ, по выраженію Чернушки, „переходила въ христіанскую вѣру“, т. е. говорила почему-то, на потѣху дѣвочекъ, по-русски.

Дѣвочки сдѣлали торопливый книксенъ и, пробормоча какое-то извиненіе, побѣжали наверхъ, молча раздѣлись и легли спать.

На другой день, въ первую же рекреацію, когда классная дама ушла въ свою комнату выпить чашку кофе, дѣвочки вернулись въ свой второй классъ и заперли двери.

Тридцать голосовъ гудѣли и жужжали, какъ рой раздраженныхъ пчелъ. Всѣмъ былъ смутно извѣстенъ поступокъ Баярда, и классъ хотѣлъ знать окончательно: зачѣмъ дѣвушка ходила къ музыкальной дамѣ. „оборвать“ ее или извиниться?

Бульдожка, получившая вчера „дуру“, лѣзла изъ себя и находила послѣднее „подлой измѣной“, „подлизываньемъ“.

— Если извинилась,—кричала она,—то классъ долженъ наказать ее—перестать съ ней говорить!

Надя Франкъ вдругъ отдѣлилась отъ толпы и взбѣжала на каѳедру. Рыжеватые волосы ея, попавъ въ лучъ солнца, горѣли червоннымъ золотомъ, лицо ея, съ тонкими чертами, было блѣдно, сѣрые глаза, съ расширенными зрачками, глядѣли сухо и злобно.

— Вы хотите знать, въ чемъ дѣло? Извольте:—я просила прощенья у Вильгельмины Ѳедоровны, да, затѣмъ и ходила, вотъ что!

— Вильгельмина Ѳедоровна!—Это еще что за новости?! Скажите, какія телячьи нѣжности! Ахъ, дрянъ этакая Франкъ, да какъ она смѣетъ? Рыжая, хитрая! Франкъ вѣчно изъ себя разыгрываетъ рыцаря!

Дѣвочки окружили каѳедру и кричали всѣ разомъ. Фактъ униженія былъ чудовищнымъ явленіемъ и злилъ всѣхъ, какъ измѣна традиціямъ. А Франкъ стояла на каѳедрѣ и повто-

ряла:—да, да, просила прощенія и она меня простила, пусть теперь сунется кто-нибудь ее травить. Знаете ли вы, что это за цвѣты и кто ихъ собиралъ! Она при васъ сказала: ея старая слѣпая мать. Вы только поймите, слѣпая, рвала цвѣты и прислала ихъ своей дочери. Вчера ты фыркнула, Бульдожка, на эту, ну, а вотъ теперь здѣсь, днемъ, передъ всѣмъ классомъ фыркни-ка еще разъ! Ага, не можешь? !Свою маму вспомнила? Вотъ такъ-то и я, какъ подумала, что у нея мама добрая, да слѣпая, да какъ увидѣла, какъ она бережно цвѣты расправляетъ, вотъ такъ у меня сердце и повернулось. И чего мы ее травимъ-то? Что она намъ сдѣлала?

Дѣвочки молчали.

— Она мнѣ разъ дала пастилу,—объявила Бульдожка.

— А за меня разъ просила прощенья у Кильки, которой я нагрубила,—проговорила Пышка.

— Да, она не злая—пробормотала Назарова.

— Все равно! Все равно!—крикнулъ кто-то изъ заднихъ рядовъ. Она живетъ въ „Чортовомъ переулкѣ“, значитъ, намъ врагъ, и ты ни смѣла просить прощенья, если она насъ обидѣла!

— Ну, въ этомъ мнѣ никто не указъ!

Франктъ соскочила съ каѳедры.—А ты, Вихорева, не должна была бы этого кричать, помнишь, ты солдата за пеклеванникомъ и за патокой посылала. Онъ несъ, да мнѣ и передалъ, а меня Корова поймала, я стоя за отдѣльнымъ столомъ обѣдала. Что хорошо было? А вѣдь я тебя тогда не выдала! Что же ты теперь на меня накидываешься?

— По моему она права!—сказала молчавшая до сихъ поръ Шкотъ,—вѣдь она не за васъ просила прощенія у нея, а за себя, дайте же каждому свободу судить самому свои поступки, по моему, Вильгельмина Ѳедоровна никогда насъ не трогаетъ.

— Какая эта Шкотъ умная и какъ она хорошо говорить!—подумала Франктъ.

— На мѣстѣ Франктъ, я бы сдѣлала тоже самое—заявила Лосева—она не имѣла права трогать чужіе цвѣты.

Франктъ снова вернулась на каѳедру и опершись на нее

локтями слѣдила за классомъ. Поднялся горячій споръ, мнѣнія раздѣлились. дѣвочка одна за другою переходили на сторону Шкотъ и Франкъ, наконецъ на сторонѣ негодующихъ осталось только 5—6 ученицъ, бравшихъ уроки музыки у Метлы и не любившихъ ее только за то, что не любили и обязательные скучные уроки музыки, къ которой не имѣли ни малѣйшей способности.

— Вы только посмотрѣли бы на нее во время урока музыки, какая она злющая!—доказывала Вихорева.

— Да вѣдь тебя можно роялемъ по головѣ ударить, когда ты дубасишь свои гаммы!

— Три года врешь все на одномъ и томъ же мѣстѣ! Споръ перешелъ въ хохотъ.

— Вотъ что, Mesdames!—на каѳедру рядомъ съ Франкъ забралась Назарова. Травить или не травить Метлу?

И общимъ голосомъ рѣшено было не травить.

Рѣзкій звонокъ прервалъ шумъ, въ классъ вошла классная дама и почти вслѣдъ за нею учитель русской словесности Поповъ.

Это былъ уже далеко не молодой человѣкъ, маленькаго роста, съ большими и выпуклыми, какъ пуговицы, глазами, въ очкахъ, съ носомъ попугая, но толстымъ и краснымъ отъ постоянного нюханія табака. Пестрый фуляръ, засморканный и пропитанный табачными пятнами, всегда, какъ флагъ, болтался у него въ лѣвой рукѣ или висѣлъ изъ кармана. Говорилъ онъ ясно и витіевато, стихи читалъ прекрасно и, въ сущности, былъ добрый человѣкъ и хорошій, полезный учитель. Сочиненія были его конькомъ, и онъ ихъ задавалъ на всякія темы.

Войдя въ классъ, онъ положилъ на каѳедру связку тоненькихъ синихъ тетрадокъ съ послѣднимъ сочиненіемъ класса на тему: „Восходъ солнца“.

— Ну-съ—началъ онъ, сѣменя по обыкновенію коротенькими ножками, разгуливая между каѳедрой и первымъ рядомъ партъ.

— Сегодняшнія сочиненія меня не обрадовали. Какъ,